

Referenses

1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [EHlektronnyj resurs]. – <http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt>
2. EHngel's F. Demokraticeskij panslavizm // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 6. – M.: Politizdat, 1962.
3. Marks K. O sotsial'nom voprose v Rossii // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 18. – M.: Politizdat, 1962.
4. Kotov V.N. K.Marks i F.EHngel's o Rossii i russkom narode. – M.: Znanie, 1953 [EHlektronnyj resurs]. – <http://www.biografia.ru/arhiv/orossii02.html>
5. Marks K. Razoblacheniya diplomaticheskoj istorii XVIII veka [EHlektronnyj resurs]. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/diplomat_history/index.php
6. K. Marks - F. EHngel'su v Manchester // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 31. – M.: Politizdat, 1962.
7. EHngel's F. Vneshnyaya politika russkogo tsarizma // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 22. – M.: Politizdat, 1962.

УДК 323.2+323.4+321.01 DOI: 10.24045/conf.2017.1.19

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США: ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

*Сушкин А.Е.,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Теория государства и права и политология»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия*

*Милаева О.В.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена обзору основных концепций революции в науке XX века. Авторы акцентируют внимание на теоретизации причин революции в ходе развития научной теории на протяжении последнего столетия. В задачу включается рассмотрение предметного комплекса основных подходов к изучению революции, основных направлений проводимых исследований. В статье рассматриваются социально-психологические концепции, неомарксизм, политические концепции, системный подход, макросоциология и структурализм, методы математического моделирования социальных конфликтов.*

Ключевые слова: *теория революции, причины революции, революция, социальный конфликт, классовая борьба.*

THE THEORY OF THE SOCIAL REVOLUTION OF THE XX CENTURY IN WESTERN EUROPE AND THE USA: THE REVIEW OF THE MAIN DIRECTIONS

*Siushkin A. E.,
Candidate of sociological Sciences,
Associate professor of State and Law Theory and Political Sciences de-
partment
Penza State University, Penza, Russian Federation*

*Milaeva O. V.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to a review of the basic concepts of revolution in the science of the 20th century. The authors emphasize the theorizing of the causes of the revolution in the development of scientific theory throughout the last century. The task includes the consideration of the subject complex of basic approaches to the study of the revolution, the main directions of research. The article deals with socio-psychological concepts, neo-Marxism, political concepts, system approach, macrosociology and structuralism, methods of mathematical modeling of social conflicts.

Key words: theory of revolution, causes of revolution, revolution, social conflict, class struggle.

Революция как социальный феномен является предметом изучения различных общественных наук. Существуют множественные теории и концептуальные модели революции, часто противоречащие друг другу и принимающие во внимание ограниченный набор социальных детерминант. Поэтому классифицировать все традиции и взгляды на данную проблему – достаточно непростая задача. В настоящей статье мы обращаемся к основным, на наш взгляд, направлениям и школам осмысления революции и причин революционных процессов, развивавшихся на протяжении конца XIX – начала XXI века, концентрируясь на научных школах, теориях революции Западной Европы и США. Основной своей целью авторы ставят рассмотрение в хронологическом порядке концептуализации понимания западноевропейской и американской философской, исторической, социологической наукой сущности революционных процессов, их причин. Задачей является рассмотрение предметного комплекса основных подходов к изучению революции, основных направлений проводимых исследований.

Концепция революции в её современном смысле относительно молода. Лишь в конце XVIII в. она складывается в привычном для нас виде и начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментальных общественных преобразований. Хотя не будем забывать, что сам термин появился уже в XIV веке, но в то время он означал всего лишь вращательное движение, хождение по кругу. Николай Коперник озаглавил свою знаменитую работу «О вращении небесных тел»: «On the Revolutions of Celestial

Bodies» (1543). Значительно позже данное определение было заимствовано политической философией.

XIX век с его «диким капитализмом» – был также «золотым веком» для идеи революции, которая проникла в самые разные политические и социальные теории. С работами Карла Маркса концепция революции стала общеизвестной и вошла в научный и политический обиход не только как объект научно-философских изысканий, но и мощный идеологический инструмент критики капиталистической реальности, основание для альтернативного социального (коммунистического) проекта.

Если исходить из наиболее очевидного критерия – масштаб и глубина трансформации общественно-политических и экономических институтов (формации), – можно выделить два типа революций: политические (то есть смена политических элит, политического режима) и социальные (не только смена политических элит и режима, но и изменение всего общественного строя и его институтов, затрагивающая в перспективе и общественный ментальный уровень).

Фактически марксистская традиция, введя разделение революций на буржуазные и социалистические, рассматривала именно социальные революции. Основной посыл марксистской теории общественных революционных изменений: революция – не случайный эпизод массового насилия. Это классовый конфликт, объективно заданный обстоятельствами, связанными с разрывом между производительными силами и производственными отношениями, порождающий системные сбои в производстве и нарастание противоречий между классами.

Примером буржуазных революций являются Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века, Война за независимость американских колоний, Великая французская революция, революции 1848–1849 годов в Европе. Основная цель буржуазной революции – замена феодализма капитализмом. Если она реализована не до конца, например не ликвидирует полностью феодальный способ правления (политические институты), это обычно влечёт за собой возникновение буржуазно-демократических революций, смыслом которых является приведение политической надстройки в соответствие с экономическим базисом. Примерами таких революций являются революции 1848 и 1871 годов во Франции, Война Севера с Югом (Вторая американская революция), революция 1905–1907 годов и Февральская революция 1917 года в России и тому подобные.

Социалистическая революция приводит к переходу от капитализма к социализму. Традиционный марксизм такой революцией считает Октябрьскую революцию 1917 года в России, народно-демократические революции конца 1940-х годов в Восточной Европе, Китайскую революцию 1949 года, Кубинскую революцию 1959 года и т. д. Однако целый ряд направлений в марксизме (неомарксизм, Франкфуртская школа, фрейдомарксизм и др.) отрицает социалистический характер этих революций, что объясняется развитием во второй половине XX века социальных конфликтов, не укладывающихся в систему и методологию марксистского анализа.

Так, покончившие с просоветскими режимами в Восточной Европе так называемые «бархатные революции» 1989–1991 гг., для сторонников марксистского подхода представляют собой определённую методологическую проблему. Действительно, данные «революции» часто осуществлялись уже находящимися у власти элитами (номенклатурой), которые в результате усилили свои позиции, присоединив к власти также и собственность. Совершенные революции правящими классами плюс восстановление капитализма – такие изменения современные марксисты предпочитают именовать не «революцией», а «реакцией», «реставрацией» или даже контрреволюцией.

Не укладываются в описываемую традицию и «цветные революции» конца XX – начала XXI века. Известные события в странах Северной Африки и Ближнего Востока, на Украине, в Грузии, Киргизии также не привели к смене общественно-экономической формации, а лишь к смене политического режима и правящих элит. С этой точки зрения (разграничение «цветных» и классических революций) разделение революций на политические и социальные выглядит вполне оправданным: смена политического режима и правящих элит, но не формации в целом – это основной маркирующий признак «цветной революции», в отличие от «истинной» или классической.

Наличие пробелов и противоречий в марксистской теории революции, трансформация и усложнение социальных процессов породили необходимость дальнейшего развития научных исследований, связанных с теоретическим и практическим осмыслением революционных процессов.

В целом отметим, что развитие теории социальной революции в XX веке проходило в направлении от построения теоретических конструктов и создания масштабных теорий (начало XX века – 1970-е годы) к практико-ориентированным исследованиям на материале современных социально-политических событий (1990-е – начало XXI века). Значительное изменение претерпела и методология исследований: от применения общетеоретических методов до математического моделирования, прогнозирования и статистического анализа. В отношении направлений исследований можно фиксировать тенденцию дробления предметно-тематического комплекса: от разработки общей схемы развития революции и причинно-следственных связей, изучения психологии вождя и массы, к изучению отдельных сторон революции, причин и следствий, действий и интересов групп-участниц процесса, роли международных процессов и государственных институтов. Фактически теория революции в XX веке представляет собой постоянное расширение и усложнение поля научных исследований.

Отметим, что разногласия научных школ в отношении понимания революции (истинной или ложной) нивелируются только в одном моменте – всеми исследователями революция признаётся социальным конфликтом. Ещё одним общим моментом является понимание революции большинством представителей научных кругов не только как насильственной смены социально-экономического строя, но как гораздо более сложного комплекса проблем, приводящих к коренным изменениям во власти и обществе.

Среди многообразия накопленных на сегодняшний день теорий и научных школ изучения революционных процессов, рассмотрим наиболее значимые, привносящие новые понятия, методы, темы, аспекты в общее развитие теории революции.

Социально-психологические теории обращаются к сложным процессам мотивации, склоняющей людей к революционной мобилизации. Представители этих научных школ считают недостаточно полными исторические, политические и структуралистские концепции в связи с тем, что революция осуществляется людьми, а это приводит объективного учёного к необходимости «возвращения человека в революционное уравнение» [22, Р. 206].

Начало этой теории можно найти в трудах А. де Токвиля [7]. Исследуя причины Великой французской революции, автор отмечает, что причины революции следует искать не в ближайшем по отношению к ней времени, а гораздо раньше. И основной причиной можно считать открытие перед массами/обществом перспектив более позитивных, чем возможности, предлагаемые существующим строем: в этом случае тяготы, которые переносились молча, становятся невыносимыми, способствуя радикализации настроений масс, что и служит почвой для социального взрыва. При этом Токвиль апеллирует не только к психологическому пониманию массами своего «относительного неблагополучия» в материальном отношении, в отношении развития жизненных перспектив, но и к нравственным ментальным особенностям народа, его осознанию собственного достоинства как нации. «Найдётся ли человек с душой настолько низкой, что предпочёл бы зависеть от капризов одного из себе подобных и подчиняться законам, установлению которых тот способствовал, если ему кажется, что его собственная нация обладает достоинствами, необходимыми для того, чтобы правильно распорядиться свободой? Полагаю, таких нет» [7, с. 12].

Отнюдь не как выражение «чаяний масс», стремление к мечте о свободе и справедливости, проявление достоинства народа оценивают революцию основоположники социальной психологии. Так, Г. Ле Бон в своей книге «Психология революции» [23], обращаясь к событиям Великой французской революции, связывает их с природной склонностью масс (именуемых «толпами»), особенно объединённых негативной целью, к проявлению иррациональности, агрессивности, к применению насилия. Ту же иррациональность в поведении толпы, «патологический» характер её действий отмечает другой основоположник социальной психологии – У. Макдаугалл. В том же контексте можно оценить работы З. Фрейда, считавшего революции невротичной формой группового поведения, несмотря на уважительное отношение к построению социализма в СССР как к одному из самых масштабных исторических экспериментов по усовершенствованию цивилизации [19]. Отметим ещё одну идею З. Фрейда, активно муссировавшуюся фрейдистской психологической научной школой, а именно психологию революционного лидерства. Фрейд утверждает, что лидеры и ведомые в процессе революции приобретают невротическую связь: «Группа представляет собой послушную орду, которая не может жить без хозяина. Она испытывает жажду подчинения,

которая вынуждает инстинктивно подчиняться любому, кто провозглашает себя своим хозяином» [20]. Исследования личностных качеств личностей исторических революционеров проводились К. Лейденом и К. Шмиттом, А. Уолферстейном [24], [25]. Вывод довольно однозначный: только авторитарные личности имеют потребности и убеждения, необходимые для успешного совершения революций. При этом чаще всего такие личности отягощены сформированными в результате воспитания и социализации многочисленными комплексами, выраженными в стремлении к власти, и оказывающими определяющее влияние на их мотивы и поступки. А масса им подчиняется, поскольку это её основная потребность. Мы разделяем точку зрения доктора психологических наук А.В. Юревича, высказывающего сомнения относительно логики такого утверждения: «революции часто направлены именно против хозяев, хотя нередко и увенчиваются сменой одних хозяев другими, причём худшими, нежели низвергнутые. Тем не менее, нельзя не признать и того, что революции, как правило, порождают вождей и предполагают некритическое подчинение им. А вопрос о том, что более характерно для революций – слепое подчинение лидерам или ниспровержение авторитетов, видимо, не имеет однозначного решения» [11].

Более поздним вариантом развития социально-психологической концепции, может служить теория относительной депривации (Дж. Дэвис, Т. Гурр) [14], [21]. Отметим, что она относится к ранней волне количественного анализа революций, пришедшегося на 1960-е годы. Основывалась она на использовании линейной регрессии (один из методов статистического анализа в математическом моделировании) с использованием глобальных данных по странам и годам, что в первую очередь касалось изучения проблем модернизации и теории депривации.

Понятие «депривация» означает расхождение между уровнем распространённых в обществе притязаний и мерой их действительной реализации. В формулировке Гурра, это «воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиями, которые они в действительности могут получить)» [9, с. 378-379], [10, с. 571].

Иными словами, если люди бедны, но воспринимают это как должное, то революционного брожения не возникает. Лишь когда они начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь «по справедливости», но не имеют по каким-то причинам, появляется чувство относительной депривации, которое и приводит к революционным настроениям.

Как возникает этот синдром? Каково его происхождение? Очевидно, можно выделить три возможных варианта.

Первый заключается в том, что в результате возникновения новых политических доктрин, систем ценностей устанавливаются новые социальные стандарты, которые недоступны основной массе. Люди «озлобляются», поскольку чувствуют, что у них нет возможности изменить

свою жизнь, реализовать свои ожидания. Такую ситуацию часто называют «революцией пробудившихся надежд».

Второй вариант заключается в том, что надежды остаются примерно на том же уровне, но происходит существенное падение жизненных стандартов. Это может случиться, например, в результате экономического или финансового кризиса и неспособности государства обеспечить привычный уровень жизни. «Человек озлобляется сильнее в тех случаях, когда теряет то, что имеет, чем тогда, когда он утрачивает надежду приобрести то, что ещё не получил» [9, с. 379-380]. «Революция отобранных выгод» – так принято называть такую ситуацию – является ещё более распространённой, чем «революция пробудившихся надежд».

Третий вариант («революция крушения прогресса») гласит, что надежды и возможности растут параллельно в течение некоторого времени. Затем кривые неожиданно разделяются, причем надежды продолжают расти, а реальные возможности достижения блокируются. Последствия те же самые, что и в предыдущих случаях – ощущение острой социальной несправедливости и радикализация сознания масс.

Впоследствии, во второй половине XX века, в рамках психологических школ изучения революции был найден баланс: предметом научного анализа становятся групповые и личные интересы, мотивы революционного поведения в рамках теории коллективного действия, которые оцениваются исследователями как рациональные [26]. Многие современные теоретики революций принимают характерную для марксизма трактовку этого явления как рационального процесса или, по крайней мере, как рациональной реакции на иррациональные социальные обстоятельства [22].

Здесь уместно обратиться к исследованию моделей рационального выбора. Исследователи указывали на то, что индивидуумы, участвующие в восстаниях и протестных движениях, приобретают мотивацию, «рекрутируются и получают санкцию через уже существующие общины, к которым они принадлежат, но пробуждение специфически оппозиционной групповой идентичности зависит от действий революционных активистов и государства» [2, с. 87].

Упрочение оппозиционных убеждений в сознании индивидуумов, позволяющее сформировать оппозиционную идентичность взамен социальной, национальной, государственной и т.п. достигается за счёт ряда факторов. Среди них исследователи выделяют веру в эффективность протеста, которая подкрепляется частными победами и приобретениями революционной группы, несправедливость со стороны государства, свидетельства его слабости. Модели рационального выбора дают дальнейшее подтверждение этим выводам: нет противоречия с фактом коллективных действий; наоборот, анализ рационального выбора вместе с другими подходами используется для выявления процессов, посредством которых коллективные действия решают свои задачи, и общих характеристик таких решений. В основе всех этих решений лежат санкционирование и групповая идентификация [2, с. 88].

Модели рационального выбора объясняют и эскалацию революционной мобилизации. К ней приводят уверенность в относительной слабости режима и наличие других групп и индивидов, поддерживающих протестные действия. Информационное воздействие в этом случае имеет значение и является катализатором для тех групп, которые уже имели внутреннюю убежденность в несправедливости существующего социально-государственного устройства, а солидарность с аналогичными по взглядам группами позволяет получить уверенность в своей силе и способности переломить неудовлетворительную ситуацию. Таким образом создается «эффект прицепа»: всё новые и новые группы принимают участие в действиях, момент для которых кажется все более благоприятным [2, с. 89].

К психологическим концепциям можно отнести и синтетический фрейдомарксизм. Его представители, изучавшие проблемы социальных революций, направили своё внимание на особенности формирования морали и ценностных ориентаций, характерных для революционных ситуаций, их причин и последствий. Весьма однозначной выглядит точка зрения В. Райха: революция не может победить, если она не сопровождается соответствующим изменением морали – сексуальной революцией. «Определить свободу – это то же самое, что определить сексуальное здоровье» [8].

Отметим, что все такого рода концепции ориентированы на один момент в протекании революционного процесса, его пик, связанный с насильственными действиями. Они слабо применимы к исследованию длительного революционного процесса, изучению причинно-следственных связей, им порождаемых. Другим недостатком социально-психологических концепций, как и большинства других, где главенствует психологический фактор, является то, что революции рассматриваются как проявление когнитивного диссонанса, при этом игнорируется социально-структурный контекст, различия во власти и статусе между различными общественными группами.

Объединить субъективные психологические факторы и факторы объективного социального развития, отказаться от примата экономики над социальной сферой пытались представители Франкфуртской школы. В качестве примера можно обратиться к работам Г. Маркузе, основанным на соединении концепции классического психоанализа и марксизма. Причиной революционных процессов, по мнению Маркузе, становится подавление личности окружающей её и господствующей над ней культурной средой. Он развивает свою концепцию на основе взаимодействия классических антагонизмов – «принципа удовольствия» и «принципа реальности», дополняя третьим принципом – «принципом производительности», который и опосредует два других в социально-экономической структуре общества. Третий принцип представляется в качестве господствующей репрессивной социально-исторической формы «принципа реальности» («прибавочная репрессия»).

«Принцип производительности» не связан с самоподдерживающимся в силу необходимости развития цивилизации принципом добровольного ограничения влечений, но имеет принципиально другой источник. Этот источник – современная социальная дифференциация общества, при которой

дополнительное подавление («прибавочная репрессия») распределяется заведомо непропорционально, а в пользу господствующего класса собственников средств производства.

Увеличение объёмов производственной деятельности (с целью увеличения прибыли господствующего класса) приводит к возрастанию сублимации сексуальной энергии подавляемого класса, что нарушает баланс в соотношении сил Эроса (созидания) и Танатоса (разрушения) в пользу последнего. Энергия инстинкта разрушения подкрепляется чувством социальной несправедливости, ведёт к неприятию сложившейся системы господства и подчинения и провоцирует рост социального напряжения, что чревато революционным взрывом. Частично выходом из замкнутого круга противоречия интересов может служить технический и технологический прогресс, который позволяет уменьшить временные и физические затраты людей в процессе труда, даёт обществу шанс отказаться от избыточного принуждения и задать новый вектор прогресса цивилизации в направлении саморегуляции инстинктов и влечений человека.

Однако это путь затратный и вступает в противоречие с интересами господствующего класса. Не производя изменений, этот класс стремится заменить прогресс расширением аппарата подавления на сферы, напрямую не включённые в процесс производства. Индивидам непосредственно и опосредованно прививаются ложные унифицированные потребности и интересы преимущественно потребительского толка. Раскрытие механизмов и причин формирования общества потребления можно встретить в работах Ж. Бодрийера. Нас интересует, прежде всего, один момент: и Маркузе и Бодрийер сходятся в оценке нерациональности избыточного потребления, в его навязывании «сверху», что в конечном итоге реализует одну и ту же цель – наращивание производства и получение прибыли. Эта иррационализация, подкрепляемая манипулированием массовым и индивидуальным сознанием через СМИ, снижает способность масс к критическому и независимому мышлению, к адекватной оценке ситуации в рамках обычной социальной жизни. Деятельность производственного аппарата при этом направляется не на выполнение своей прямой функции – обеспечение жизненных благ людей, а на защиту собственной власти и на осуществление тотального контроля над социальными группами. Это и является первопричиной репрессивного управления. В таком случае идеологическая и политическая окраска режима уже не важна: «за идеологической либеральной ширмой скрывается всё тот же контроль сознания и латентный фашизм» [1]. Условно декларируемые права и свободы, в некоторых обществах «возвращение к традициям и истокам», становятся «священными коровами», формально почитаемыми и уважаемыми, но в реальности являющимся лишь прикрытием для сохранения status quo с целью удержания господствующего положения и материальных благ правящим классом.

Таким образом, революционные действия «толпы», характеризуемые теоретиками социальной психологии начала XX века как «иррациональные»,

приобретают вполне осознанный рациональный мотив: мотив конфликтного противодействия иррационализации человеческих потребностей со стороны господствующих классов с целью расширения сфер социального контроля.

Не столь масштабными по охвату объекта анализа, но более предметными, представляются взгляды сторонников политического (элитаристского) подхода. Они рассматривают революцию как чисто политический феномен, возникающий из процессов, происходящих исключительно в политической сфере. Революция – это результат нарушения баланса сил между противоположными блоками политических элит в сфере борьбы за власть и управление государством. Массовые выступления представляются здесь только как отражение или симптом раскола в политической жизни общества. Так, в интерпретации американского историка и социолога Ч. Тилли революция – это осуществляемый с применением силы и опорой на поддержку населения переход контроля над государством от одного политического блока к другому. Революция совершается тогда, когда достаточно большие группы граждан отказывают в лояльной поддержке силам, господствующим прежде, и начинают поддерживать альтернативную группу, обретающую власть. При этом, наследуя некоторые постулаты теории коллективного действия, Тилли рассматривает революцию как коллективное действие, имеющее вполне определённую цель: свержение существующего социального порядка. Здесь требуется набор условий, которые способствуют успеху этих действий: групповая организация, мобилизация, наличие общих интересов участников коллективного действия, благоприятное стечение обстоятельств (фактор случайности). При этом, по мнению автора, наиболее благоприятные условия для развития протестных движений создают репрессивная государственная политика, архаичные формы и институты государственного управления, отсутствие в обществе институциональных форм выражения своего мнения.

Добавим, что наличие формальных институтов гражданского общества и имитация наличия свобод на фоне невозможности для общества оказать реальное влияние на принятие властных решений, отсутствие или имитация диалоговых форм взаимодействия власти и общества – та же благоприятная среда для мобилизации революционных настроений и приближения варианта насильственного развития событий.

Тилли различает революции и перевороты по глубине вызванных ими структурных преобразований в обществе. В долгосрочной перспективе к коренным преобразованиям приводят лишь революции, в ходе которых осуществился широкомасштабный переход власти от одного класса к другому, от одной коалиции к другой. Перевороты же, в рамках которых без значительного раскола происходит смена одних членов политической системы другими членами той же системы, почти никогда не производят значимых структурных изменений, несмотря на заявления о национальном обновлении, которые им всегда сопутствуют [4].

Политический подход, несомненно, испытал влияние марксизма, но он по своей сути более прагматичен, поскольку рассматривает революции не как

экстраординарные, исключительные явления, а скорее как продолжение политики другими средствами. Революции – разновидность, пусть и в крайней форме, нормального политического процесса, в котором различные группы стремятся реализовать свои цели путём завоевания власти. Главный недостаток подхода сформулирован самим Тилли: это – вероятностный характер всякого знания о революции, невозможность его теоретического обобщения: «У революций примерно столько же причин, как у автомобильных пробок» [6, с.6].

Системный подход под революцией понимает резкую и коренную трансформацию политической системы общества. Типичная причина такого системного кризиса – нарушение обратной связи и, как следствие, отсутствие должного взаимодействия с внешней средой. Что такое политическая система? Американский политолог Д. Истон считал, что её можно определить как совокупность социальных взаимодействий, посредством которых ценности авторитетным образом привносятся в общество и распределяются в нем. [15] Иными словами, политическая система обеспечивает управление обществом, что и является её главной задачей и функцией. Она регулирует производство и распределение социальных благ с помощью властных (прежде всего государственных) механизмов, а также упорядочивает политические отношения в обществе.

Данная система погружена в так называемую «среду», главными составляющими которой являются такие элементы, как экономика, культура, религия, социальная структура и т.д. Постоянно поддерживая связи с элементами внешней среды, политическая система воспринимает исходящие от них импульсы и при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции, постоянно приспосабливаясь к экзогенным условиям функционирования. Если такая связь нарушается, то возможен политический кризис, результатом которого может стать и насильственное изменение существующего политического режима. Например, в условиях экономического кризиса правительство многократно игнорирует поступающие от малоимущих слоев запросы на неотложное проведение реформ и улучшение своего бедственного положения, что по мере накопления критической массы недовольства такими действиями в определённый момент приводит к социальному взрыву.

Системный подход к пониманию рассматриваемой проблемы в целом представляется логичным, но в то же время и слишком абстрактным и схематичным, не предназначенным для анализа глубинных причин явления, а значит, и не позволяющим максимально точно понять суть революционных процессов.

Период конца 1970 годов характеризуется повышением интереса к масштабным историческим процессам и смещением центра изучения революционных процессов из Европы в США. При этом на смену «большим теориям», а на тот момент это довольно абстрактные теории модернизации и структурно-функциональная концепция, приходят макросоциологические теории,

наиболее развитые в отношении масштабов и направлений анализа, детализации изучаемых явлений и процессов.

Наибольшее признание получили работы в области теории революций и государственных распадов Р. Коллинза, Т. Скокпол, Д. Голдстоуна. Они пришли и на смену и уже упомянутому ранее количественному исследованию революций в рамках теорий модернизации и депривации, которые обнаружили свою несогласованность. А так же включили в свой арсенал наработки политической теории.

Концептуально революция в этих теориях органично вписывается в контекст классовых и групповых, государственных и интернациональных отношений. Факт осуществления революции является следствием структурных ограничений и длительной напряжённости в обществе и характеризуется специфическими отношениями между гражданами и государством. Именно этим теоретикам принадлежат подробные периодизации истории изучения революций и классификации теорий революций (Т. Скокпол, Д. Голдстоун). Себя авторы относят к теоретикам третьего поколения развития революционной теории (1970 – начало XXI века), а «венцом теории революции третьего поколения» признаются работы Т. Скокпол [2]. С этим трудно спорить, так как исследования Т. Скокпол [28] представляют собой наиболее систематизированную и комплексную методологию анализа революционных процессов, базирующуюся на результатах исследований современных ей авторов, а также на трудах предшественников (Товиля, Маркса, Тилли, Мура и др.). То есть в этом подходе объединены структурализм, теория социальных конфликтов, марксизм, теория политического конфликта, теория социального конфликта, теория рационального выбора, социально-психологический подход, теория системно-ценностного консенсуса.

Ей же принадлежит и наиболее признанное в научных кругах в настоящий момент определение социальных революций: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу». Скокпол выделяет и основные признаки, отличающие социальные революции от прочих проявлений протеста: от восстаний, бунтов, мятежей, переворотов (отсутствие структурных изменений государства), от политических революций (нет изменений социальных структур) и от индустриализации (отсутствие быстрых политико-структурных изменений).

Скокпол выделяет и несколько групп теорий объяснения свершения социальных революций. К таким типам она относит: марксистские теории (К. Маркс, В. Ленин, Н. Бухарин, Л. Троцкий, Мао Цзэдун, Г. Лукач, А. Грамши, Л. Альтюссер); агрегатно-психологические теории (Дж. Гешвендер, Г. Экштайн, Д. Шварц, Дж. Дэвис, Т. Гурр); теории консенсуса систем ценностей (Т. Парсонс, Ф. Уоллэйс, Н. Смелзер, Э. Тирьякян, Ч. Джонсон); теории политического конфликта (А. Обершелл, В. Оверхольт, Д. Рассел, Ч. Тилли).

Наименьшее внимание автор уделяет «субъективному фактору» протекания революционных процессов, исключая его из числа базисных предпосылок революций. Скокпол считает для объективного анализа излишним повышенное внимание к личностному фактору (личность вождя революции), идеологическим конструктам (классовое сознание), частным организационным вопросам (партии или революционные организации). И в этом, как видим, она расходится с представителями политической теории.

Скокпол утверждает, что революционные предпосылки следует искать в контексте классовых и групповых отношений (национальных и интернациональных), а не в головах граждан, их менталитете или межличностных отношениях. Причины революции кроются в противоречиях между группами и нациями, занимающими различное положение, а не между интересами, взглядами или идеологиями отдельных революционеров. Такой подход в чём-то близок марксистскому, но он не постулирует смену общественно-экономической формации как цель революции.

Особое место исследовательница уделяет внешнему фактору – противоречиям между государствами, влиянию международного контекста на внутривнутриполитические процессы: когда государство оказывается в невыгодном положении на международной арене, резко возрастает опасность внутренних конфликтов. Ситуация склоняется в пользу революции, когда национальное государство и существующий режим неспособны ответить на акты внешней агрессии.

Отметим, что Скокпол на материале анализа трёх революций (Великая французская революция, Октябрьская социалистическая революция, Китайская революция 1949 года) приходит к следующему выводу: революции возможны и даже неизбежны в сильно централизованных аграрно-бюрократических обществах. В результате удачно протекающей революции происходят фундаментальные структурные общественные трансформации, которые дополняют и усиливают друг друга, приводя к прогрессивному развитию: «Франция становится страной-завоевателем, Россия – индустриальной и военной супердержавой, Китай – политически независимым государством, ставшим на путь укрепления экономики, Мексика обретает политическую силу и т.д.» [3, с. 22].

Исследовательница утверждает в рамках характерной для рассматриваемой научной школы государственно-центричной модели, что революции – это необходимый элемент модернизации, если государство неспособно к конкурентной борьбе на международной арене, слабо во внутривнутриполитическом отношении.

В этот же период теория социального конфликта развивает некоторые направления изучения революционных процессов. В качестве примера можно привести работы американского социолога Л. Козера. Он трактует общественное развитие, опираясь на учение об общественном развитии К. Маркса, как подвижное равновесие противостоящих сил, порождающих социальное напряжение и борьбу. При этом революции отводится роль основного рычага прогрессивных социальных изменений (что исторически

экспериментально подтверждается). Сама классовая борьба в большей степени, чем мирное развитие, выступает источником прогресса, а социальный конфликт – сердцевина исторического процесса [13].

Период 1980-х годов можно назвать последним периодом теоретизации проблем революции. Фактически, к началу XXI века говорить о развитии именно теории революции довольно затруднительно: исследования перешли в политологическую или практико-ориентированную плоскость.

В 1990-е годы основное внимание исследователей концентрируется вокруг локальных социальных конфликтов, что подтверждается и в теории международных отношений: масштабные конфликты уходят в прошлое. Основным объектом становится изучение социальных конфликтов, локальных конфликтов, гражданских войн, протестных движений на предметном материале стран третьего мира, или так называемых «nation in transit» (страны с «переходной» формой демократии, в основном страны бывшего соцлагеря). Выбор такого предмета объясним с точки зрения практической целесообразности: прогрессирующая эскалация такого рода конфликтов, начиная с середины 1980-х годов. Вполне очевидна и цель исследователей: разработка методологии прогнозирования развития конфликтов, способов их предотвращения или урегулирования.

С конца 1980-90-х годов в связи с развитием информационных технологий и программирования, оживились количественные исследования революций с применением методов математического моделирования, но уже не на базе исторического материала, а на базе текущих политических событий. С этой целью применялся статистический анализ больших чисел, впоследствии – алгебра логики. Эти методы позволяют дать формальное описание логической стороны процессов. Алгебра логики имеет дело с логическими переменными, которые могут принимать только два значения: «да» или «нет»/«истина» или «ложь». Как бы ни была сложна логическая связь между логической функцией и её аргументами, эту связь всегда можно представить в виде совокупности трёх простейших логических операций: НЕ, И, ИЛИ. Этот набор называют булевым базисом. При моделировании учитывается специфика каждой из анализируемых ситуаций и допускаются разнообразные конфигурации независимых переменных. После этого с помощью тех или иных алгоритмов вычисляется минимальный набор или наборы переменных, которые характеризуют конкретные результаты (в нашем случае – революционных процессов). При этом интерес к классическим революциям, причинно-следственным связям и следствиям снижается.

Возможности булевого анализа использовались при изучении нескольких десятков революций в странах третьего мира (Латинская Америка). И здесь в качестве примера можно привести результаты исследований Д. Форана [17], [18], Т.П. Уикхэма-Краули. Однако объективной картины такой метод не даёт, поскольку наблюдается сильная зависимость от набора переменных, который задаёт исследователь. Единственный бесспорный вывод: такой метод позволяет отделить удачные социальные революции от неудачных. И ещё такого рода исследования подтверждают отсутствие

специфического набора факторов, которые с необходимостью приводят к революции или делают её осуществление невозможным.

В 1990-е годы методом регрессивного анализа изучались социальные конфликты (гражданские войны и повстанческие движения) периода 1960-1990-х годов на территории Африканского региона. В качестве примера можно привести исследования оксфордских и аналогичные исследования стэнфордских учёных [12], [16]. Обратим внимание на то, что основными элементами гипотезы, проверяемой независимо друг от друга всеми исследователями, являлись следующие:

1. наличие связи между нарастанием количества гражданских войн и периодом окончания «холодной войны» и порождёнными ею изменениями в международной системе;

2. наличие связи между нарастанием количества гражданских войн и этническим и религиозным составом населения;

3. наличие связи между нарастанием количества гражданских войн и существованием в государстве жёсткого политического режима, проводящего политику дискриминации в отношении отдельных этнических и религиозных групп.

Подтверждения в этих аспектах гипотеза не нашла. Исследователи приходят к выводу, что такие факторы, как религиозные и этнические различия, не являются глубинной причиной перманентных социальных конфликтов (косвенное подтверждение это находит и в работах С. Олзак, которая изучала влияние расовых и этнических различий на эскалацию социальных конфликтов на американском материале) [27].

Не является ею, по результатам проводимых исследований, и дестабилизация политических режимов со стороны международных акторов. Политические действия государственных институтов, их режимные особенности и действия так же не есть первопричина радикализации социальных отношений. Время протекания, набор участников и их эпизодические действия не влияют на причины зарождения социальных конфликтов. Все эти параметры имеют значение как условия протекания конфликта, определяют его особенности, но не более.

Но что тогда?

Вернемся почти на 150 лет назад. Стоит вспомнить взаимодействие в процессе общественного развития базиса и надстройки в рамках марксистской концепции. Надстройка: государственные институты, идеология, религия, право и пр. Базис: экономическое развитие и возникающие при этом отношения и их следствия. Диалектика, как известно, такова, что базисные отношения определяют конфигурацию надстройки, но не наоборот.

И вот основной вывод учёных, подтверждённый независимым математическим анализом: основными факторами влияния на формирование и эскалацию социальных конфликтов являются слабое развитие экономики или застой в экономике, порождающий негативные социальные последствия; низкий доход на душу населения, высокий уровень социального неравенства. Выявлена также следующая закономерность: возрастание агрессивности политической

борьбы, социальной дестабилизации и радикализации по мере развития свободной экономической конкуренции.

Исторически это вполне подтверждено: тысячелетия отсутствия экономической конкуренции при разных формациях минимизировали социальные революции и конфликты. Время их нарастания относится как раз к периоду формирования капиталистических отношений, а пик наступает при «развитом капитализме», основа которого, как известно, – свободная конкуренция.

В рамках данной статьи мы не касаемся коллективных исследований внутрисоциальных конфликтов и стабильности в рамках глобальных исследований на базе ситуационного и количественного анализа учёных США под руководством Д. Голдстоуна. Несмотря на расширение методологии и поля исследований до глобальных масштабов, вывод прежний: не «духовность» определяет тенденции социального развития, а в той или иной форме уровень экономического развития.

Стоит отметить ещё один важный аспект теоретизации революционных процессов: привлечение к анализу концепции политической легитимности, поскольку кризис легитимности власти имеет место при любой революционной ситуации (что, кстати, отмечалось уже в работах Т. Скокпол). Легитимность следует, прежде всего, рассматривать как «факт совместного признания властью и населением общего смысла и направленности политического процесса в конкретных темпоральных границах» [5]. Поэтому при поиске индикаторов кризиса легитимности, а значит, и назревания революционного процесса, следует обратить внимание на присутствие в конкретном социуме консенсуса власти и населения по поводу значимых политических целей.

Такое целесогласование является жизненно необходимым для любого политического режима, его содержание должно периодически обновляться в соответствии с требованиями социально-политической конъюнктуры. Очевидно, что в условиях социальной турбулентности частота таких обновлений может быть достаточно высокой. Так, за время президентства В.В. Путина можно было наблюдать по крайней мере три варианта данного консенсуса. Первоначально, в начале 2000-х гг. консолидация власти и общества преимущественно основывалась на взятом курсе в сторону достижения политикотерриториального единства государства, усиления политической вертикали («наведения порядка») и роста социального благополучия. В дальнейшем, когда эти цели были так или иначе достигнуты, власть какое-то время не могла чётко обозначить последующие варианты политического и социально-экономического развития страны, породив в обществе чувство «застоя» и отсутствия внятных политических перспектив. Предложенная идея «стабильности», в рамках которой была осуществлена президентская рокировка «правлящего тандема», не была воспринята значительной частью населения как необходимая и диагностировалась ей как циничная попытка сохранения власти и консервации правящего режима. Закономерным итогом этого явились массовые протесты 2011-2012 гг., которые недвусмысленно продемонстрировали зарождение кризиса политической легитимности в стране. Взамен

неудачной идеологической концепции сегодня активно используется образ Запада, как «внешнего врага» в совокупности с пропагандой геополитических достижений правящего режима – присоединения Крыма, отставание позиций России в Сирии и т.д. Такой мотив усиления политической легитимности оказался гораздо более разделяемым массами, хотя, по нашему мнению, он не может быть долговечным и неизбежно потребует корректировки заявленного властью курса в сторону усиления социальной защищённости населения вне отказа от демократической модели развития страны.

Способность правящей элиты незамедлительно и адекватно реагировать на кризисы собственной легитимности – это единственный способ предотвращения революционной ситуации в государстве. Как показывает исторический опыт, неспособность правительства предложить обществу новые реалистичные варианты политического курса в совокупности с неоправданным и порой циничным желанием во что бы то ни стало удержать власть, почти неизбежно приводит к её насильственному свержению. Такое мы могли наблюдать, например, в 1905-1917 гг., когда обществу до последнего навязывалась архаичная идея самодержавия в условиях давно назревшей необходимости проведения буржуазно-демократических преобразований. Подобное было и в 1985-1991 гг.: взамен «застойной» модели жёсткого командно-административного управления экономической и политической сферами обществу кроме невнятного лозунга «перестройка, гласность, ускорение» по большому счёту не было предложено никаких новых разделяемых общенациональных альтернатив, что привело к быстрой потере власти правящей коммунистической партией, а в дальнейшем и к распаду СССР.

Таким образом, накопленный в рамках изучения феномена легитимности теоретический и эмпирический материал также может в определённой мере пролить свет на проблему выявления и систематизации многочисленных факторов возникновения феномена социальной революции.

Резюмируя, повторимся: начало XXI века пока не обнаруживает научных школ, продолжающих теоретизацию в области революционных процессов. Но можно очертить дальнейшие перспективы развития «четвёртого поколения теории революции», заимствуя высказывание Д. Голдстоуна, автора концепции «трёх поколений теории революции». «Ни одной общепризнанной теории четвёртого поколения ещё не создано, но контуры такой теории ясны. Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, гендерных проблем, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что ещё более важно, не исключено, что в теориях четвёртого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ количественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений» [2, с.103].

Источники и литература:

1. Бороненкова Я.С. Фрейдомарксизм Франкфуртской школы // Полигнозис. – 2011. – № 1. – С. 26-31.
2. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения. // Логос 5 (56). – 2006. – С. 58-103. [Электронный ресурс]. – http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (Дата обращения: 29.07.17).
3. Грязнова О.С. Тэда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 21-38.
4. Карасев Д.Ю. Теория революции Чарльза Тилли// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2012. – №4. – С. 176-189.
5. Сиушкин А.Е., Милаева О.В. К вопросу о критериях легитимности политического режима// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Выпуск 11(139). – С. 123-127.
6. Тилли Ч. Демократия// «Демократия как озеро» /Предисл. к рус. изд. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.
7. Токвиль А. Старый порядок и революция/пер. с фр. Л.Н. Ефимова.– СПб.: Алетейя, 2008.
8. Цит. по: Юревич А.В. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3, №4. С. 110-132. [Электронный ресурс]. - http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
9. Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. – М.: Логос, 2005.
11. Юревич А.В. Социальная психология революций. – Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3, №4. С. 110-132. [Электронный ресурс]. – http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
12. Collier P., Hoeffler A. On the Duration of Civil War. Journal of Peace Research, vol. 41, no. 3, 2004, pp.253-273 Sage Publications (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi).
13. Coser L. A. Masters of sociological thought. 2 ed. N.Y. 1988.
14. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. V. 27. 1952. P. 5-19.
15. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
16. Fearon D. James, Laitin D. David // American political science review, vol. 97, no. 1, 2003, pp.75-90.
17. Foran, J. The comparative-historical sociology of third world social revolutions: why a few succeed, why most fail?, in J. Foran (ed.) Theorizing Revolutions, London and New York: Routledge, pp. 227-67.
18. Foran, J. The future of revolutions at the fin-de-siècle?, Third World Quarterly 18 (5):791-820.
19. Freud S. Civilization and its Discontents. New York: Norton, 1961.
20. Freud, 1959, p. 13 Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. New York: Norton, 1959.
21. Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.
22. Kimmel M.S. Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1990.
23. Le Bon G. The Psychology of Revolution. New York: Putnam's, 1913.
24. Leiden K, Schmitt K.M. The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.
25. Wolfenstein E.V. The revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.
26. Olson M. The Logic of Collective action. New York: Schocken Books, 1965.
27. Olzak S. The dynamic of ethnic competition and conflict. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.
28. Skocpol Theda. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1994.

Referenses

1. Boronenkova Ja.S. Frejdomarksizm Frankfurtskoj shkoly // Polignozis. – 2011. – № 1. – S. 26-31.
2. Goldstoun D. K teorii revoljucii chetvertogo pokolenija. // Logos 5 (56). – 2006. – S. 58-103. [Elektronnyj resurs]. - http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (Data obrashhenija: 29.07.17).
3. Grjaznova O.S. Tjeda Skokpol: fenomen revoljucii v strukturalistskoj perspektive // Che-lovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – 2007. – № 4. – S. 21-38.
4. Karasev D.Ju. Teorija revoljucii Charl'za Tilli// Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. – 2012. – №4. – S. 176-189.
5. Siushkin A.E., Milaeva O.V. K voprosu o kriterijah legitimnosti politicheskogo rezhima// Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2014. – Vypusk 11(139). – S. 123-127.
6. Tilli Ch. Demokratija// «Demokratija kak ozero» /Predisl. k rus. izd. G. Derlug'jana. M.: In-t obshhestvennogo proektirovanija, 2007.
7. Tokvil' A. Staryj porjadok i revoljucija/per. s fr. L.N. Efimova.– SPb.: Aletejja, 2008.
8. Cit. po: Jurevich A.V. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2006. T.3, №4. S. 110-132. [Elektronnyj resurs]. – http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
9. Cit. po: Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. – M.: Aspekt Press, 1996.
10. Shtompka P. Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva: Per. s pol'sk. SM. Chervonnoj. – M.: Logos, 2005.
11. Jurevich A.V. Social'naja psihologija revoljucij. - Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2006. T.3, №4. S. 110-132. [Elektronnyj resurs]. - http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
12. Collier P., Hoeffler A. On the Duration of Civil War. Journal of Peace Research, vol. 41, no. 3, 2004, pp.253-273 Sage Publications (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi).
13. Coser L. A. Masters of sociological thought. 2 ed. N.Y. 1988.
14. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. V. 27. 1952. P. 5-19.
15. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
16. Fearon D. James, Laitin D. David // American political science review, vol. 97, no. 1, 2003, pp.75-90.
17. Foran, J. The comparative-historical sociology of third world social revolutions: why a few succeed, why most fail', in J. Foran (ed.) Theorizing Revolutions, London and New York: Routledge, pp. 227-67.
18. Foran, J. The future of revolutions at the fin-de-siècle', Third World Quarterly 18 (5):791-820.
19. Freud S. Civilization and its Discontents. New York: Norton, 1961.
20. Freud, 1959, p. 13 Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. New York: Norton, 1959.
21. Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.
22. Kimmel M.S. Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1990.
23. Le Bon G. The Psychology of Revolution. New York: Putnam's, 1913.
24. Leiden K, Schmitt K.M. The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.
25. Wolfenstein E.V. The revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.
26. Olson M. The Logic of Collective action. New York: Schocken Books, 1965.
27. Olzak S. The dynamic of ethnic competition and conflict. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.
28. Skocpol Theda. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1994.